

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI 10.31029/vestdnc90/12

УДК 811.351.22

СПОСОБЫ ПЕРВИЧНОЙ И ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В ДАРГИНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

С. М. Темирбулатова, ORCID: 0000-0001-7526-3831

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского
федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия

METHODS OF PRIMARY AND SECONDARY NOMINATION IN THE DARGIN DIALECTS

S. M. Temirbulatova, ORCID: 0000-0001-7526-3831

Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal
Research Centre of RAS, Makhachkala, Russia

Аннотация. В статье предпринята попытка исследовать способы первичной и вторичной номинации в даргинских диалектах. Некоторые типы семантической деривации, отмеченные в говорах, являются собственно диалектными, в них реализуются особые семантические связи, отражающие специфику диалектного языка. Проведенный анализ показал, что выявленные универсальные и уникальные модели метафорического и метонимического переноса являются продуктивными. Изучение универсальных и уникальных моделей метафорического и метонимического переносов представляют собой интерес как для теории, так и для практики сопоставительных исследований.

Abstract. The article attempts to investigate ways of primary and secondary nomination in the Dargin dialects. Some types of semantic derivation noted in dialects are specifically dialectal, they implement special semantic connections reflecting the specifics of the dialect language. The analysis has shown that the identified universal and unique models of metaphorical and metonymic transfer are productive. The study of universal and unique models of metaphorical and metonymic transference is of interest both for the theory and for the practice of the comparative research.

Ключевые слова: первичная номинация, вторичная номинация, метафора, метонимия, семантическая деривация, расширение значения, семантический сдвиг.

Keywords: primary nomination, secondary nomination, metaphor, metonymy, semantic derivation, extension of meaning, semantic shift.

В исследованиях по даргинскому языку и его диалектов термин «диалект» использован как гипероним ввиду того, что до сих пор нет единой и общепризнанной классификации, дифференцирующей даргинские языки, диалекты и говоры.

Фиксирование лексики многочисленных диалектов и говоров даргинского языка, диалектных слов, обреченных на постепенное исчезновение, введение их в научный оборот является неотложной исследовательской задачей и внесет весомый вклад в дело сохранения, сбережения и возрождения языка даргинского народа. Для лингвистики такое диалектное разнообразие бесценно. В нем представлены отложения различных исторических эпох.

В настоящее время, когда интенсивно идут процессы урбанизации, приводящие к нивелировке диалектов и говоров, когда во многих семьях дети с раннего возраста говорят не на родном языке или диалекте, говоре, а на русском языке, диалектная лексика должна быть зафиксирована, документирована, иначе она может быть утрачена.

Лексика даргинского языка, его диалектов и говоров в лексикологическом аспекте изучена недостаточно, хотя изданы работы М.-С.М. Мусаева «Лексика даргинского языка» [1], З.Г. Абдуллаева «Даргинский язык. Словообразование» [2], С.М. Темирбулатовой «Отраслевая лексика дар-

гинского языка» [3]. Издан «Диалектологический словарь даргинского языка» [4], который содержит лексический материал сорока трех говоров, собиравшийся автором по крупицам на протяжении многих лет во время командировок в даргинских селениях.

Семантическая структура слова даргинского языка остается неисследованной областью лексикологии.

Лексический материал, содержащийся в «Диалектологическом словаре даргинского языка», может служить базой для исследования его в сравнительно-историческом аспекте (однокорневые слова) и в сравнительно-сопоставительном аспекте (разные слова с идентичным значением). Соотносимые в сравнительно-историческом плане лексические единицы содержат сведения по исторической фонетике, морфологии и семантических изменениях в однокорневых словах. Слова, рассматриваемые в сопоставительном плане, различны по звучанию, происхождению, но идентичны или близки по значению. Они наглядно демонстрируют лексические отличия, особенности способов и средств номинации между диалектами (говорами) даргинского языка. Для наглядности приведем две словарные статьи из «Диалектологического словаря даргинского языка».

КЪЯПШКІАН *Дегв, Дейб; Кнс, Кчг, Герг; Вмл, Харб; Урк; Тант къяпшкІан; Ушии кІяпшкІани; Гул, Киш, Меус къяпшкІ; Мекг; Бурд, Мург, Нмл; Кубч къяпшкІван; Бурд, Мург, Нмл; Мург къяпшкІвола; Карц, Ктг, Санч кІапшкІ; Дарш кІяпшкІ; Кубч, Ашт кІяпшкІван; Мург къяпшкІлум; Мюрг къапшкІвон; Акуш гІяпшкІ; Лев гІяпшкІан; Лев липшкІан; Ицар липшкІабикиван; Чирг музургуле; Кадр хІули кІапшкІран; Мегб хІулила къапшкІа; Викр хІулила пакІво; Джиб пІякъя; Гаши хІуллачела; Шукт хІулла къяпшкІа; Кадр хІулба кам; Мегб хІула къяпшкІа; Губд хІуа къабкъач; Сирх, Чирг гІулла хъар; Амух гІулла къян; Ицар гІулла кам; Джиб улила къям; Кунк улилла хъар; Барш улинна пІякъ; Цуд цимцле «веко» [4, с. 306].*

Здесь представлены различные способы номинации одного и того же предмета в разных говорах. Можно наблюдать, как описательное название одного говора преобразуется в сложное слово в другом говоре и в производное суффиксальное слово в третьем говоре. Например: *къяпшкІ-икІ* «веко» – суффиксальное существительное; *къяпшкІ-икІван* «закрывающий», *липшкІ-чикабикиван* «мигающий» – сложные субстантивированные причастия; *хІули кІапшкІран* «глаз закрывающий»; *хІулила къяпшкІа*, *гІулла хъар* «глаза крышка»; *хІулба кам* «кожа глаз» – описательные названия.

Глагольная лексика помимо фонетических и лексических различий характеризуется множеством разнообразных маркеров инфинитива по говорам, которые здесь отделены от основы дефисом:

КЪЯРТШ-ЭС *Акуш; Бурд; Мург къяртш-эс; Кнс къяртш-ис; Гул къяртшбиркъ-ара; Губд къянтш-эс; Кадр къянтшкІ-ас; Вмл къвяртш-ара; Дарш, Киш къвяртшгъ-ара; Нмл къвяртш-ис; Меус къвяртшкІай-ара; Барш, Джиб, Санч къвяртшкуръ-ара; Харб къяртшгъ-ара; Харб къяртшкІай-ара; Урах къвяртшхъай-ис; Дейб гъяртш-ара; Акуш къярир-ес; Гаши къяри-эс; Шукт къяри-эс; Лев гІяри-эс; Тант къярагъ-иж; Мург, Герг къуртш-ис; Цуд къортшгъ-ез; Ашт къурткагъ-и; Карц къуртшкІугъ-а; Ктг къуртшкуръ-ара; Кунк къуртшугъ-уй; Ицар къуртшбиркъ-уй; Сирх къкъуртшбиркъ-ий; Мегб къёртшбакъ-ас; Ушии къортшгъ-ий; Кубч къюртшкаттигъ-и; Чирг гъёртшхъ-и; Викр гІуртшбиркъ-ара; Урк гІуртш-ара; Амух гІуртшугъ-и; Мюрг; Мекг, Дегв, гІентш-эс; Губд гІендикІ-ес; Кчг гІянтшгъ-ис; Мург гІянтш-эс «глотать» [4, с. 306].*

Итого маркеров инфинитива и их вариантов по говорам более десяти: -эс, -ес, -ис, -ас; -иж, -ез, -ий, -уй, -и; -ана, -ара, -а̄.

Наблюдаются звукосоответствия корневым согласным: заднеязычного лабиализованного абруптива *къв* ~ нелабиализованному абруптиву *къ* ~ геминированному абруптиву *къкъ* ~ заднеязычному спиранту *гъ* ~ фарингальному смычному *гІ*.

Е.С. Кубрякова характеризует акт номинации как речемыслительный процесс, направленный либо на выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо на создание подходящего названия для него [5, с. 237].

Использование одной и той же звуковой оболочки для называния различных предметов (понятий, качеств, действий) становится возможным ввиду того, что язык выбирает такие свойства этих предметов, которые могут быть обозначены одним и тем же словом. Лексико-семантические варианты имен существительных часто представляют собой результат переноса названия с одного предмета на другой на основе их сходства по характерному признаку, свойству, качеству.

В этой связи рассмотрим расширение семантики и фонетическое варьирование лексемы *дуб* «край, берег» в даргинских диалектах [6, с. 345–352].

Дуб и *дем* – диалектные варианты одного слова, в которых чередуются губные *м* и *б* и гласные *у*–*е*. В даргинском литературном языке при самостоятельном употреблении за словом *дуб* закрепилось значение «край, предел», «берег»: *хIеркIла дуб* «берег реки», *урхьула дуб* «берег моря». Но в составе некоторых сложных слов основа *дуб* имеет и значение «рот»: *дуббуцари* «ураза» (пост) *букв.* «рот + держание», *думуцес* «поститься», «держаться уразу»; *дуббат* «завтрак», *букв.* «рот + отпуск»; *думватес* (I кл.), *думратес* (II кл.), *дуббатес* (I, II кл. *мн. ч.*) «позавтракать». Ср. хайд. *думуцра* «ураза», *думуцра в(р,б)игара* «уразу держать»; *дуббат* «завтрак», *думв(р,б)етара* «позавтракать, покушать»; ср. лакс. *зума дугьан* «поститься», «держаться уразу», авар. *кIал кквезе*, лезг. *сив хьун*.

Ицаринская форма *димила* «рот» образована от основы *дими* + суф. *-ла* – вариант продуктивного суффикса *-ала*: *бур-ала* «поговорка», *из-ала* «болезнь», *б(м) акь-ала* «рассказ», «весть» и т.п.

Основа *дум*, *дим*, *дуб* в разных вариантах встречается в составе сложных глаголов и в тех диалектах, где самостоятельные слова *дем* «рот», *дуб* «край» не встречаются. Например, хайд. *дибахьара* от *диб* (< *дуб*) «рот» + *ахьара* «пройти», т.е. «позвать»; цуд. *думахьиз* от *дум* «рот» + *ахьиз* «пройти», т.е. «позвать». В этой связи можно утверждать, что в составе сложных слов сохраняется архаичная лексика, выявляются утраченные в некоторых диалектах семантические оттенки.

Вероятно, и лексема *дев* «слово» общего происхождения с приведенными *дем*, *дум* «рот», *дуб* «край». Ср., лакское *зума* – генетическая параллель даргинского слова *дум* (*дуб*, *дев*): «В своих различных употреблениях основа *зума* и образованные от нее словоформы, а также различные словосочетания выражают понятия «рот», «полость рта», «уста» (анатомический орган), а также вторичные, возникшие на основе последнего, понятия, связанные с принятием пищи и воспроизведением речи, процессом говорения (речь, слово и т. п.)» [7, с. 149].

Одним из распространенных способов возникновения лексико-семантических вариантов существительных является метонимический перенос значения слова – перенос на основе смежности, обычно пространственной: *лутIи* «дно», «пол, подошва, подкова»; *чIябар* «площадь», «поверхность, пол».

Семантически варианты существительные возникают в говорах на основе переноса названия с целого на его часть, и наоборот: *хьали* «дом» и «комната».

Лексико-семантические варианты у диалектного глагола образуются путем переноса названия действия, состояния на другое действие на основе сходства результатов действия (лит. *бяхьес* «ударить», хайд. *бяхьара* «ранить», *гьамул бяхьара* «прибить гвоздь», *суврат бяхьара* «повесить (букв. прибить) картину» и *гьичIи бяхьара* «сыграть на гармошке (букв. ударить гармошку)». В глагольной лексике наблюдаются переносы на основе метафорических связей, образных ассоциаций (*чIямбарара* «разжевать» и «размыть косточки, обсудить, осудить»; *гьургьурбикIвара* «издавать угрожающие звуки /о собаке/» и – «ворчать»).

Отношения метафоричности, метонимии, целого и его части, материала и продукции из него и т.д. пронизывают семантическую сферу многих языков мира.

Так, отношения метафоричности в названиях животных (*осел* «животное» и «упрямый человек»), известные ряду индоевропейских языков и диалектов, подтверждается и дагестанскими языками (дарг. *эмхIе/имгьа* «осел» и «упрямый человек», авар. *хIама* «осел» и «упрямый человек», лак. *тукку* «осел» и «упрямый человек»).

При изучении структурно-семантических диалектных различий предельной единицей сопоставления избирается слово-лексема как элемент лексической (лексико-семантической) системы говора, как элемент семантического микрополя.

Изучение семантической деривации на материале народных говоров имеет свою специфику, обусловленную особенностями бытования говоров, своеобразием диалектного языка и связанными с ним особенностями его лексико-семантической системы [8, с. 5].

Метонимический перенос может осуществляться: 1) с вместилища на содержимое или объем содержимого, например: блюдо «хула сукра» букв. «большая миска, тарелка» и «еда», «яство»: хула сукра *нергъила* «большая тарелка супа»; *исттакан* «сосуд для питья» и «мера жидких и сыпучих масс» *исттакан шинела* «стакан воды»; 2) с материала на изделия из него, например: *мургъи* «золото» и «золотые изделия»: *абали гелиниж мургъи цассив* «мать купила невесте золотые изделия» букв. «золото»; 3) с места, населенного пункта *ши* «село» на совокупность его жителей или связанное с ним событие, например: лит. *лебилра ши дурабухъун* «всё село вышло» и т.д.

Появление новых слов в результате лексикализации грамматической формы производящего слова – такая разновидность деривации традиционно называется морфолого-синтаксическим способом словообразования [9, с. 207; 10, с. 169] или семантико-морфологическим вариантом семантического способа словопроизводства [11, с. 15].

Относя данные деривационные явления к тому или иному способу словообразования, некоторые ученые отмечают, что в подобных случаях изменение семантики производящего предшествует изменениям структуры или грамматических характеристик слова.

Распространенным проявлением семантической деривации в ее морфолого-синтаксической разновидности в русских говорах является образование наречий путем лексикализации одной из форм производящего существительного [8, с. 19]. Аналогичным образом образуются наречия и в даргинских говорах: *хъали* «дом» – лит. *хъайгъи*, хайд. *хъале* «домой»; хайд. *къар* «трава» – *къари* «за травой, по траву», «на пастьбу»; хайд. *гъайни* «двор» – *гъайна* «во двор», хайд. *шин* «вода» – *шине* «за водой», хайд. *хъанчи* «работа» – *хъанчиле* «на работу» и т.д. Наиболее продуктивным семантический способ словообразования является в сфере имени существительного и глагола.

Как верно замечено Е.А. Ждановой, «многие из отмеченных в говорах словообразовательных типов являются общенародными и отражают устойчивые семантические отношения, сформировавшиеся в языке. Однако некоторые типы семантической деривации, отмеченные в говорах, являются собственно диалектными, в них реализуются особые семантические связи, отражающие специфику диалектного языка» [8, с. 21].

В русском и даргинском языках некоторые метафорические значения являются аналогичными. Примером может служить русский глагол *таять* «приходить в умиленное, разнеженное состояние; млетъ» и даргинский глагол *бацлара* «таять, становиться добрее, смягчаться, умиляться». Русский глагол *таять* имеет специфическое метафорическое значение при переносе в физиологическую сферу «худеть, чахнуть, изнемогая от болезни, горя». Аналогичное значение имеет и даргинский глагол: *чарх бацлара* «тело растаять», *урчла бацлара* «сердце растаять». Здесь наблюдается специфический вид метафорического переноса, характерный для обоих языков.

Изучение моделей семантической деривации остается актуальным, поскольку семантическая деривация является наиболее продуктивным способом обогащения словарного состава любого языка, в отличие от других видов семантических изменений. Основной задачей является исследование регулярных метафорических переносов, т.к. метафора представляет собой один из распространенных видов семантической деривации [12, с. 648]. Метафоры во многом отражают национальную специфику языкового сознания.

По мнению Г. Пауля, «...причины семантических сдвигов обусловлены логико-психологическими причинами, так как связаны с познавательной деятельностью человека и базируются на известных типах ассоциаций: по сходству (метафора) и по смежности (метонимии)» [13, с. 103–106].

У некоторых слов в языке может происходить переход предметного значения в категорию признаков – семантический сдвиг.

Так, в даргинском языке, как и в других языках, наблюдаются случаи, когда человека характеризуют по нарочито приписываемым ему проявлениям внешних или поведенческих признаков животного/скотины (*хIяйван/хIяйгван*) – недалекость, нерасторопность, бесхитрость; ягненка (*мук-ара*) – нежность, кротость, беспомощность; медведя (*синка/сика*) – тучность, неуклюжесть; лисы (*гурда/куртта*) – хитрость; змеи (*чIичIала/цIеци, мялгун*) – коварство; собаки (*хя/хвя*) – злость; дракона (*аждагъа*) – беспощадность, мощь; соловья (*булбул*) – певучесть; вороны (*къяна*) – черный цвет и предвещание; совы (*тIума*) – пучеглазие и слепота; филина (*ккуккумяв*) – невзрачность и недоброжелательность; куропатки (*къакъба*) – привлекательность; наседки (*къурку*) – домовитость и привязанность к детям и семье и т.д. Тенденция к экономии, являющаяся одним из важнейших свойств языка, вынуждает его «избегать количественного приращения лексических единиц за счет формирования новых значений у уже имеющихся в языке номинативных средств» [14, с. 82].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка (Сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978. 129 с.
2. Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. Т. 3. Словообразование. М.: Наука, 1993. 444 с.
3. Темирбулатова С.М. Отраслевая лексика даргинского языка. Махачкала, 2008. 464 с.
4. Темирбулатова С.М. Диалектологический словарь даргинского языка. Махачкала, 2022. 575 с.
5. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. М., 2010. С. 222–303.
6. Темирбулатова С.М. К характеристике соматических названий даргинского языка, обозначающих «рот» // Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи: материалы VI Международной научной конференции памяти выдающегося кавказоведа, академика А.С. Чикобава (1998–1985). С. 345–351.
7. Абдуллаев И.Х. К истории одного соматического термина в лакском языке (ЗУМА «рот»). I // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: соматические термины. Махачкала, 1986. С. 149–155.
8. Жданова Е.С. Семантическая деривация в русских говорах Удмуртии (на материале корпуса диалектных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 24 с.
9. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 559 с.
10. Земская Е.А. Современный русский язык. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
11. Шанский Н.М. Русский язык в национальной школе. М.: Педагогика, 1977. 248 с.
12. Тодосиенко З.В. Семантическая деривация как важнейший механизм содержательной динамики языка (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. 2014. № 5. С. 643–648.
13. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. 501 с.
14. Черникова Н.В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии // Филологические науки. 2001. № 1. С. 82–89.

Поступила в редакцию 14.07.2023 г.
Принята к печати 28.11.2023 г.

Темирбулатова Сапияханум Муртузалиевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН; 367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45; e-mail: sapiakhanum@mail.ru

Sapiyakhanum M. Temirbulatova, Doctor of Philology, professor, mean researcher, Institute of Language, Literature and Art of the Daghestan Federal Research Centre of RAS; 45, M. Gadzhiev st., Makhachkala, Republic of Daghestan, 367000; e-mail: sapiakhanum@mail.ru